

УДК 811.511.131'28'366(045)

*Л.Л. Карпова***ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ В ДИАЛЕКТАХ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

В статье выявляются и описываются специфические черты грамматической системы глагола в диалектах северного наречия удмуртского языка, имеющих недостаточное освещение в научной литературе. В исследовании особое внимание уделяется различительным признакам, которые являются характерными для севернoudмуртских диалектов, с одной стороны, и/или имеют ограниченное распространение в отдельных микросистемах исследуемых диалектов, с другой. Языковой материал интерпретируется в контексте удмуртского диалектного ландшафта. Отмечается, что в исследуемых диалектах морфологическая система глагола по своим содержательным и структурным характеристикам во многом совпадает с системой удмуртского литературного языка. Анализируются диалектные особенности в образовании, парадигмах спряжения, дистрибуции и употреблении отдельных глагольных форм. Различия морфонологического характера зафиксированы в плане выражения инфинитива, отдельных форм настоящего времени, что обусловлено действующими в северных диалектах фонетическими законами. Определенные внутрдиалектные различия выявляются в формах словоизменения некоторых глагольных категорий (в частности, варьирующиеся по северным диалектам парадигмы спряжения условного и желательного наклонений, перфекта).

Ключевые слова: удмуртский язык, северные диалекты, морфология, глагольные категории, формообразование, словоизменение, диалектное варьирование.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-716-726

В системе частей речи одним из самых сложных и многоаспектных лексико-грамматических классов слов является глагол. В удмуртской лингвистике грамматическая традиция в изучении глагольной системы начинается с первых грамматик [19; 28] и неразрывно связана с изучением данной части речи в общефинно-угорском аспекте [13; 15]. Отдельные аспекты, касающиеся морфологических, синтаксических, семантических свойств удмуртского глагола, наряду с другими грамматическими проблемами, представлены в работах Б. А. Серебренникова [16, с. 93–102; 17; 18, с. 231–346], Е. А. Цыпанова [23; 26, с. 321–324; и др.], Р. Бартенс [24], Ш. Чуча [25, с. 252–287] и др. Несмотря на наличие серьезных работ по указанной проблематике, в научной литературе не получила должного освещения специфика глагольной системы в различных в структурно-территориальных разновидностях удмуртского языка.

Данная работа посвящена анализу особенностей морфологической системы глагола в диалектах северного наречия удмуртского языка. Источниковой базой работы исследования послужили полевые материалы автора, собранные в ходе диалектологических экспедиций в районах проживания северных удмуртов в 1998–2017 гг. В зоне распространения северного наречия удмуртского языка выделяются три диалекта: верхнечепецкий, среднечепецкий и нижнечепецкий. Первые два распространены в 8 северных р-нах Удмуртской Республики (Ярском, Глазовском, Юкаменском, Базезинском, Красногорском, Кезском, Дебесском и Игринском р-нах). Население, говорящее на верхнечепецком и среднечепецкий диалектах, проживает компактно, что создало условия для более равномерного развития языковых явлений в ареалах их распространения. Нижнечепецкий диалект сложился в периферийной северо-западной зоне удмуртского языкового пространства и функционирует за пределами Удмуртской Республики в Слободском, Зуевском, Унинском, Фаленском и Богородском р-нах Кировской области. Развитие данного диалекта в условиях изолированности от основного этнического массива, а также влияние окружающих русских говоров способствовали формированию в нем ряда специфических черт. По своим наиболее характерным языковым особенностям исследуемые диалекты достаточно близки, что позволяет объединять их в одну диалектную макросистему – северное наречие.

Морфологическая система глагола севернoudмуртских диалектов по своим содержательным и структурным характеристикам во многом совпадает с морфологической системой общенационального языка. В то же существует определенная специфика в моделях формообразования, формальном выражении, структуре отдельных глагольных категорий. Охарактеризуем эти особенности.

1. Неопределенная форма глагола. Морфологическим маркером инфинитива в диалектах севернoudмуртского наречия, как и в абсолютном большинстве удмуртских диалектов и литературном языке, является суффикс *-ны*, которому в глаголах I спряжения предшествует гласный основы *-ы-*, а в глаголах II спряжения – гласный *-а-*: сев. *улыны* ‘жить’; сев. *вис’ыны* ‘болеть’; сев. *ужаны* ‘работать’; сев. *валаны* ‘понять; понимать’. В исследуемых диалектах в оформлении инфинитивных форм глагола обнаруживаются некоторые различия фонетического характера.

1.1. Отличительным признаком верхнечепецких говоров в системе диалектов севернoudмуртского языкового ареала является выпадение гласного *ы* в показателе инфинитива (*-ны > -н*): вч. *бас’тын* (< *бас’тыны*) ‘взять’; вч. *шулдырайас’кын* (< *шулдырайас’кыны*) ‘веселиться’; вч. *тубын* (< *тубыны*) ‘подняться; подниматься’; вч. *пумис’кын* (< *пумис’кыны*) ‘встретиться’. Примеры: вч.: кез. *эмзэ’ садамы ўан’, эмзэ’ан оццы потис’ко*. СГыя ‘Малина в нашем саду растет, **малину собирать** туда иду; вч.: деб. *ватскын кулэ вал зорлэс’, а мон йалан турынэз калтэм карис’ко*. Так. ‘Надо было **спрятаться** от дождя, а я все пытаюсь сено убирать’; вч.: зур. *ужан но, шулдырайас’кын но быдэс д’эрэвн’а потэ вал*. Тур. ‘И **работать, и веселиться** вся деревня выходила’. Следует отметить, что в указанных говорах выпадение гласного *ы* происходит при условии, если перед конечным гласным *ы* глагольной основы имеется стечение согласных: вч. *кошкын* (< *кошкыны*) ‘уйти’; *буйгатскын* (< *буйгатскыны*) ‘успокоиться’; вч. *вэтлын* (< *вэтлыны*) ‘уйти’; вч. *кутскын* (< *кутскыны*) ‘начать; начаться’. В остальных случаях, напротив, наблюдается выпадение гласного *ы* глагольной основы. Подобные формы зафиксированы в пограничных средневосточных говорах [6, с. 16] и в отдельных микросистемах собственно южного диалекта [10, с. 66–73; 1, с. 52–53]. В бесермянском наречии, по данным Т. И. Тепляшиной и Н. М. Люкиной, функционируют обе формы [21, с. 87–88; 12, с. 41]. Следует отметить, что выпадение гласного *ы* в морфологическом маркере инфинитива *-ны* происходит в результате редукции конечного гласного слова в потоке речи.

1.2. Одной из своеобразных черт говоров верхнечепецкого диалекта является также выпадение гласного *ы* конца основы глаголов I спряжения перед суффиксом неопределенной формы при условии, если перед гласным *ы* глагольной основы не имеется сочетания согласных: вч. *кыл’ны* (< *кыл’ыны*) ‘остаться’; вч. *пукны* (< *пукыны*) ‘сидеть’; вч. *йуны* (< *йуыны*) ‘пить’; вч. *кылыны* (< *кылыны*) ‘слышать, услышать’; вч. *мозмытны* (< *мозмытыны*) ‘освободить; выпустить’. Примеры: вч.: кез. *вис’ны гинэ ти эн ку-тскэ, макэ йун кызис’ко-ды*. НУн. ‘Только вы не заболите (‘не начинайте **болеть**’), что-то сильно кашляете’; вч.: деб. *кулны кулэ н’и вал мыным, ту-жын жад’и, вис’ис’ко. йыры жон! ваз’э*. Котег. ‘**Умереть** бы уже мне, очень устала [я], болею. Шумит в голове’; вч.: зур. *пуныэлэн с’ины с’ийонэз но ван’ на мэдэ?* Кабач. ‘У собаки моей есть ли еще еда (‘еда **поест**’)?’. Подобные формы не свойственны среднечепецкому и нижнечепецкому диалектам, но широко представлены в срединных говорах [22, с. 200] и некоторых говорах собственно южного диалекта [9, с. 78; 6, с. 12–13].

2. Категория наклонения. Данная категория в севернoudмуртском диалектном ареале представлена четырьмя формами наклонения: изъявительное, повелительное, условное и желательное. Их семантическая нагрузка в целом совпадает с семантическим наполнением в литературном языке, однако имеется некоторая специфика в плане грамматического оформления. Рассмотрим эти особенности.

2.1. В среднечепецком и верхнечепецком диалектах, подобно другим диалектным микросистемам удмуртского языка, отрицательная форма императива как в единственном, так и во множественном числе образуется при помощи отрицательного глагола *эн* и соответствующего смыслового глагола в форме императива, например: сч. *э-н пыр*, вч. *эн пы-р* ‘не заходи’; сч. *э-н пырэ(лэ)*, вч. *эн пы-рэлэ* ‘не заходите’; сч. *э-н кышка*, вч. *эн кы-шка* ‘не бойся’; сч. *э-н кышкалэ*, вч. *эн кы-шкалэ* ‘не бойтесь’. Некоторую особенность фонетического характера проявляет нижнечепецкий диалект, в котором вспомогательный глагол во множественном числе, наряду с формой *эн*, выступает также в варианте *э-нэ*: нч. *э-н ужалэ ~ э-нэ ужалэ* ‘не работайте’; нч. *э-н аралэ ~ э-нэ аралэ* ‘не жните’; нч. *э-н шугалэ ~ э-нэ шугалэ* ‘не стесняйтесь’. Примеры: нч.: сл. *мэстайэ мынам ўан’, улэ мин’н’ам, э-н шугалэ*. Свет. ‘Места у меня много, живите у меня, **не стесняйтесь**’; нч.: кос. *кэн’а вэрал’л’ай пийэлы: «э-нэ шыдылэ тылэн!»*. Сиб. ‘Сколько [раз] говорила я сыну: «**Не играйте** с огнем!»’. Функционирование вспомогательного глагола в варианте *э-нэ* отмечается также в лекминском говоре бесермянского наречия [12, с. 112] и в кукморском говоре периферийно-южного диалекта [8, с. 398].

2.2. Спецификой говоров верхнечепецкого диалекта является сохранение в отрицательной форме императива глаголов I спряжения в единственном числе этимологического гласного основы инфинитива *ы* при условии, если ударение фиксируется на первом слоге основного глагола: вч. *эн*

кы·л'ы 'не оставайся'; вч. эн со·ты 'не отдавай'; эн по·ты 'не выходи'. Примеры: вч.: кез. эн во·з'ы бочкадэ бакчайад, сос'эдэд ьог сойэ мэстайалоз. Ал. 'Не держи бочку свою в огороде, сосед твой быстро ее оприходуует'; вч.: деб. эн вы·ды пол вылэ, коркамы мил'ам кэз'ыт. Тыл. 'Не ложись на пол, дом у нас холодный'; вч.: зур. эн со·ты ва·н'зэ кон'донзэ, с'о ровно опэт' куроэ. Ключ. 'Не отдавай [ему] все его деньги, все равно снова попросит'. Аналогичное явление наблюдается в территориально смежных с верхнечепецким диалектом средневосточных говорах [6, с. 17]. В отличие от этого, в среднечепецком и нижнечепецком диалектах наблюдается параллельное функционирование форм как с -ы, так и без него: сч. нч. э·н выр ~ э·н выры 'не двигайся'; сч. нч. э·н мын ~ э·н мыны 'не ходи'; сч. нч. э·н кос ~ э·н косы 'не заставляй'. Примеры: сч.: юк. ой-йы, э·н пот н'и тон ьытсэ нокиць но! Ер. 'Ой-ей, не ходи уже ты вечером никуда!'; сч.: яр. э·н пыры соосн'э, пунызы соослэн ал'этскыс'. Ел. 'Не заходи к ним домой, собака у них злая'; нч.: сл. тон н'эномыр но клам э·н воз'ы мын'чы котырын. Бур. 'Ты никакой хлам не держи рядом с баней'; сч.: бал. ős кусын э·н сыл, татийэ лы·кты. Люк 'У порога не стой, сюда проходи'. Факультативное использование краткой и полной форм свойственно также бесермянскому наречию [21, с. 88; 12, с. 111–112].

2.3. В северных диалектах, как в удмуртском языке в целом, формальным показателем условного наклонения выступает маркер -сал, присоединяемый к основе инфинитива: сев. ужасал (< ужа-ны 'работать') '(я, ты, он/она) работал(а) бы'; сев. пöраса·лмы (< пöра-ны 'готовить, приготовить (о еде)') 'мы приготовили бы (о еде)'; сч. вч. кышкаса·лды (< кышка-ны 'бояться, испугаться') 'вы испугались бы'. Дифференциальным признаком говоров северноудмуртского языкового ареала в системе удмуртских диалектов является то, что в единственном числе глаголы условного наклонения 2-го и 3-го лица как в положительной, так и в отрицательной формах личными маркерами не оформляются. Примеры: сч.: яр. вэрас'кьсал мон тил'энэд, тыл ул'эзьт'ка. Юр 'Я поговорила бы с вами, свет включи-ка'; сч.: яр. адзысал кэ тон со коркайэз! йун зök но чэбэр со. Бач. 'Если видела бы ты тот дом! Очень большой и красивый он'; вч.: кез. öй кэ йу·ысал мужикэ, кал' но улысал на, вылды. СГыя 'Не пил бы мой муж, до сих пор и жил бы еще, наверное'; нч.: сл. öз ви·т'ысал со тонэ, п о с к ала солы тубоно вал нылызн'э. Ом. 'Не стала бы ждать она тебя, в Паскино ей нужно было идти к дочери'. Употребление подобных форм довольно активно наблюдается в территориально смежных с верхнечепецким диалектом средневосточных говорах. Следует указать, что для большинства говоров южной диалектной зоны и некоторой части срединных говоров характерно оформление указанных форм суффиксами лица [11, с. 147].

Во множественном числе глаголы в форме кондиционала в микросистемах северного диалектного ареала имеют лично-числовые форманты, т. е. не обнаруживают расхождений с другими удмуртскими говорами. Примеры: сч.: яр. та гуртэ тинал'л'ослы корка пуктыны лэз'ыса·лзы кэ, мон огн'ам таз' öй улысал. Мос. 'Если в этой деревне детям разрешили бы построить дом, я одна так не жила бы'; вч.: зур. кык ад'ами вуыса·лзы на кэ, ми тил'эд так'и закастыса·лмы. ЗМед. 'Если бы два человека подошли еще, мы вам такси заказали бы'; нч.: кос. мэтпунктэс пын'н'ыса·лзы н'и но, калык ук лэз' пын'н'аны. Берез. 'Медпункт закрыли бы уже, но народ не разрешает закрыть'.

2.4. Некоторую специфику северные диалекты обнаруживают в оформлении отрицательных форм условного наклонения. В нижнечепецком диалекте, как и в южноудмуртских говорах, отрицательный глагол как в единственном, так и во множественном числе выступает в спрягаемой форме кй, кд, кз, км: нч. кй у·свасал 'я не боронил бы'; кд у·свасал 'ты не боронил бы'; кз у·свасал 'он не боронил бы'; нч. км у·свасалмы 'мы не боронили бы'; кд у·свасалды 'вы не боронили бы'; кз у·свасалзы 'они не боронили бы'. Примеры: нч.: сл.: кд ва·ласал, кыз'ы уаз'ыны но в и т' а й к алы, йун гора'йой со. Пес. 'Ты не сообразила бы, как [нужно] общаться с Витяйкой, очень вспыльчивая она'; нч.: кос. бордаз кз ба·с'тысал соосты к и · р о ф с к о й молококомбинат. Ок. 'Не забрал бы к себе их [ферму] Кировский молокозавод'. В отличие от этого, в среднечепецком и верхнечепецком диалектах отрицательный вспомогательный глагол при спряжении не принимает личных показателей и выступает в неизменяемой форме кй: сч. вч. кй у·жасал 'я (ты, он) не работал бы'; сч. вч. кй у·жасалмы 'мы не работали бы'; сч. вч. кй у·жасалды 'вы не работали бы'; кй у·жасалзы 'они не работали бы'. Примеры: сч.: гл. а тыл кэ кысымын кй лу·ысал, эшишо пожар оло·кыцэ луысал. Штан. 'А если электричество не отключили бы, какой пожар еще мог случиться бы'; сч.: яр. трагэ·д'ийэ со шэд'ыса кэ кй ку·лысал, кал' но зэч мон улысал, огн'ам кй улысал. Байд. 'Если бы при трагических обстоятельствах он не умер, и сейчас я хорошо жила бы, одна я не жила бы'; вч.: зур. ми кй мы·нсалмы туннэ ма·газ'инэ. Лоз. 'Мы не пошли бы сегодня в магазин'.

2.5. В диалектах севернорудмуртского ареала определенные различия выявляются в парадигме глагольных форм желательного наклонения (оптатива). Данное наклонение в удмуртском языке образуется аналитическим способом: сочетанием основного глагола в форме будущего времени со вспомогательным словом *мэд* 'пусть'. В севернорудмуртских диалектах, как и в абсолютном большинстве удмуртских говоров, формы желательного наклонения в утвердительном аспекте имеют полную парадигму спряжения в единственном и во множественном числе, при этом смысловой глагол выступает с лично-числовыми формантами, а вспомогательная часть *мэд* остается неизменяемой: *мэд йуало* 'пусть я спрошу'; *мэд йуалод* 'пусть ты спросишь'; *мэд йуалоз* 'пусть он(а) спросит'; *мэд йуало-м(ы)* 'пусть мы спросим'; *мэд йуало-ды* 'пусть вы спросите'; *мэд йуало-зы* 'пусть они спросят'. Примеры: сч.: гл. *турнаны с'одмытгэс дис'ас'кылим. а маштас'кыку ужо, чэбэр, ткд'ы, сайкыт мэд луоз*. Пудв. 'Во время косьбы потемнее [одежду] надевали. А когда уже сено загребали, красивую, белую одежду нужно было надевать ('пусть будет')' [7, с. 98]; вч.: зур. *скалийосты мэд поттыса-лзы кырэ, а то татын, загонын, воз'о соосты*. ОИр. 'Пусть бы коров выпустили уже на волю, а то здесь, в загоне, держат их'; нч.: сл. *мэд йуало-зы о'э ад'амийлэс' кылэзэ*. Пес. 'Пусть они привлекут к ответственности этого человека'.

Специфика северных диалектов обнаруживается в оформлении отрицательных форм оптатива. Для среднечепецкого и верхнечепецкого диалектов, согласно нашим полевым данным, характерно отсутствие личных форм как основного глагола, так и отрицательного элемента *мэдам*: *мэдам йуа* 'пусть я не спрошу; пусть ты не спросишь; пусть он(а) не спросит'; *мэдам йуалэ* 'пусть мы не спросим; пусть вы не спросите; пусть они не спросят'. Примеры: сч.: гл. *соос, м'ийыос, йун эскэри-зы, пиналийос, маштас'кыны, турнаны мыныку, вуын мэдам обэдоз' шу'дэ шуса*. ВСл. 'Они, старики, очень следили, чтобы дети, когда шли грести сено, косить, в воде до обеда не играли ('пусть не играют')' [7, с. 139]; сч.: гл. *а к ш а н в у л ы м ы н и с'кэ оз', што-бы пумитат тынад нокин но мэдам шэд', тайкомгэс кад' мыно вулы*. Пус. 'За сумеречной водой идешь так, чтобы навстречу тебе никто не попался ('пусть не попадает'), как бы тайком идут за водой' [7, с. 226]; вч.: деб. *туннэ мэдам зор. турынэз бакчыс октоно вал*. Ар. 'Пусть сегодня не будет дождя. Надо бы сено убрать из огорода'.

В отличие от этого, в нижнечепецком диалекте данное наклонение в отрицательном аспекте представлено полной парадигмой спряжения, причем лицо выражается формой отрицательного вспомогательного элемента (*мэдам* 'я пусть не', *мэдад* 'ты пусть не', *мэдаз* 'он(а) пусть не'), показатель же числа (единственное число -*ø* / множественное число -*э/-лэ*) примыкает к глагольной части: *мэдам йуа* 'пусть я не спрошу'; *мэдад йуа* 'пусть ты не спросишь'; *мэдаз йуа* 'пусть он(а) не спросит'; *мэдам йуалэ* 'пусть мы не спросим'; *мэдад йуалэ* 'пусть вы не спросите'; *мэдаз йуалэ* 'пусть они не спросят'. Примеры: нч.: сл. *бэда с'экыт вал улон война вылын. мэдаз адзы тинал калык о'чэ улонэз*. Бур. 'Очень тяжелая жизнь была во время войны. Пусть не увидит молодое поколение такую жизнь'; нч.: кос. *дышэтскыкыз мэдаз обижат' карэ пимэс, пэл'ыз солэн зол, өрөд со кылэ*. Ас. 'В школе не обижали бы ('пусть не обижают') нашего сына, плохо он слышит'.

Наличие полной парадигмы глагольных форм в оптативе сближает нижнечепецкий диалект с южноудмуртскими говорами [9, с. 49–50; 11, с. 146; 3, с. 185] и некоторой частью срединных говоров, где вспомогательное слово *мэдам* также выступает с личным суффиксом (*мэдам, мэдад, мэдаз*). Неполная парадигма спряжения глагола в желательном наклонении, свойственная среднечепецкому и верхнечепецкому диалектам, отмечается также в средневожжичских говорах. В бесермянском наречии функционируют обе формы парадигм данного наклонения, как полная, так и неполная [21, с. 233–234; 12, с. 114]. Оформление отрицательного аспекта во всех трех лицах с помощью неизменяемого слова *мэдам* в языке бесермян Н. М. Люкина [12, с. 114] связывает с влиянием соседних среднечепецких говоров.

3. Категория времени. В диалектах северного языкового ареала, как и в удмуртском языке в целом, данная категория представлена тремя группами: настоящее время, будущее время и система прошедших времен. По основным семантическим и структурным характеристикам в рассматриваемых диалектах эти временные формы во многом проявляют общность с системой общенационального удмуртского языка. Тем не менее, отдельные особенности наблюдаются в морфологической структуре, парадигмах словоизменения и моделях формообразования отдельных групп времен. Остановимся на их рассмотрении.

3.1. В севернорудмуртских диалектах образование глаголов в настоящем времени совпадает с подобными формами литературного языка. Показателем презенса форм 1-го и 2-го лица единствен-

ного и множественного числа является маркер *-с'к-* (*-ск-*): сев. *мон кэл'а-с'к-о* ‘я отправляю’; сев. *тон кэл'а-с'к-од* ‘ты отправляешь’; сев. *мон ярат-ск-о* (< *яраты-с'к-о*) ‘я люблю’; сев. *тон ярат-ск-од* (< *яраты-с'к-од*) ‘ты любишь’. Формы 3-го лица у глаголов I спряжения представлены показателями *-э/-е* (единственное число), *-о* (множественное число), у глаголов II спряжения – нулевым маркером (единственное число), *-ло* (множественное число): сев. *со кошк-э* ‘он уходит’; сев. *соос кошк-о* ‘они уходят’; сев. *со ужа* ‘он работает’; сев. *соос ужа-ло* ‘они работают’.

3.1.1. Некоторая специфика фонетического характера наблюдается в словоизменении глаголов I спряжения, суть которой заключается в том, что в среднечепецком и нижнечепецком диалектах данные глаголы в 1-м и во 2-м лице единственного и множественного числа оформляются преимущественно суффиксом *-ыс'к-* (реже отмечается вариант *-ис'к-*), тогда как говорам верхнечепецкого ареала свойственным является функционирование подобных форм в *-и-* огласовке: сч. нч. *потыс'ко* ~ *потис'ко*, вч. *потис'ко* ‘выхожу’; сч. нч. *потыс'код* ~ *потис'код*, вч. *потис'код* ‘выходишь’. Примеры: сч.: гл. *мон но пичи дърйам отън улъс'ко вал. корка интъмэс но тодъс'ко на*. Пышк. ‘Я тоже, когда была маленькая, там жила. Даже место, где стоял наш дом, **помню** еще’; нч.: сл. *бэда кыммыс'ко мон. да кал' йун кэз'ыт шна*. Пас. ‘Очень **мерзну** я. Да сейчас еще и холодно’; вч.: деб. *мынис'ко таз' окол фэрмаэ, пэймыт ни вал – как аз'ам баззым пуны потоз дак, ой-йы!* Тыл. ‘**Иду** так однажды на ферму, темно уже было – как выйдет мне навстречу огромная собака, ой-эй!’). Необходимо подчеркнуть, что архаичным из указанных вариантов суффикса презенса является формант *-ыс'к-*, хотя, как справедливо указывает В. К. Кельмаков, морфологическим маркером настоящего времени, как и в глаголах II спряжения, выступает только элемент *-с'к-*, а гласный *-ы-* представляет собой конечный гласный основы, в дальнейшем включившийся в состав суффикса [11, с. 149–150].

3.1.2. Отличительной чертой в области оформления презенса является также и то, что во всех северноудмуртских диалектах гласный *-ы-* основы неопределенной формы глаголов I спряжения в 1-м и во 2-м лице единственного и множественного числа нередко выпадает при условии, что при этом не возникает труднопроизносимое сочетание согласных. При выпадении гласного *ы* согласный *с* форманта *-с'к-* теряет свою палатальность, вследствие чего показатель настоящего времени модифицируется в *-ск-*: сч. нч. вч. *мэтско* (< *мэдис'ко* < *мэдыс'ко*) ‘собираюсь, намереваюсь’; сч. нч. вч. *мэтскод* (< *мэдис'код* < *мэдыс'код*) ‘собираешься, намереваешься’; сч. нч. вч.: кез. *йаратско-м(ы)*, вч.: деб. зур. *йаратском(ы)* (< *йаратис'ком(ы)* < *йаратыс'ком(ы)*) ‘любим’; сч. нч. вч.: кез. *йаратско-ды*, вч.: деб. зур. *йаратскоды* (< *йаратис'кодды* < *йаратыс'кодды*) ‘любите’. Примеры: сч.: гл. *мон тонэ йаратско, мон тонэ гажас'ко, тон с'арыс', мусойэ, малнас'ко*. Аз. ‘Я тебя **люблю**, я тебя уважаю, о тебе, мой милый, думаю’; вч.: зур. *татын мон кэма улис'ко ни, тотско кён'а кэ д'эрэвн'алэс' исто-ризэ но*. Тюп. ‘Здесь я долго уже живу, **знаю** немного и об истории деревни’; нч.: сл. *н'ан' понна мэтско мыныны лафкэ*. Кар. ‘За хлебом **собираюсь** идти в магазин’.

В отдельных населенных пунктах кезского говора верхнечепецкого диалекта суффикс настоящего времени *-ск-*, подвергаясь дальнейшей фонетической трансформации, преобразуется в *-к-*: *тупко* (< *тупско* < *тубис'ко* < *тубыс'ко*) ‘поднимаюсь’; *йараткод* (< *йаратис'код* < *йаратыс'код*) ‘любишь’; *мынко-ды* (< *мынскоды* < *мынис'кодды*) ‘идете’. Примеры: вч.: кез. *потко мон азбарам, пунуэ шорам учкэ, бит'то кэ мылкыдмэ вала со*. Фок. ‘**Выхожу** я во двор, собака моя на меня смотрит, как будто мое настроение понимает она’; вч.: кез. *пийэ к э зэ улны от'э – уг мы-нкы, уг мы-нис'кы мон*. Сыг. ‘Сын мой в Кез зовет жить – я **не еду**, не еду’. Стяжение суффикса настоящего времени 1-го и 2-го лица обоих чисел в глаголах I спряжения в форму *-к-* является одним из дифференциальных признаков срединных говоров [11, с. 149]. Полагаем, что стяженный вариант суффикса презенса *-к-* проник в кезкий говор в ходе миграции удмуртов с территории центральной Удмуртии в верхнечепецкий ареал [2, с. 47; 4, с. 193–194].

3.2. В северноудмуртских диалектах в области прошедших времен некоторая специфика проявляется в формообразовании и парадигме словоизменения неочевидного прошедшего времени (перфекта).

3.2.1. В описываемых диалектах утвердительные формы перфектного глагола во 2-м и 3-м лице множественного числа представлены двумя вариантными формами: *вэрал'л'а-м(ды)* и *вэра-м(ды)* ‘вы, оказывается, сказали’, *вэрал'л'а-м(зы)* и *вэра-м(зы)* ‘они, оказывается, сказали’. Следует отметить, что употребление этих форм не является одинаковым в диалектных микросистемах северной языковой зоны. Для среднечепецкого диалекта характерным является функционирование обеих форм – с *-л'л'а-*

и без него. Примеры: сч.: гл. *вал'л'о пэрэс'йос шуыл'л'а-мзы*, *пэ*, *шум кэ потис'код но лош кэ лус'код*, *соос*, *пэ*, *одик кад' дуо*. Кач. 'Раньше старики **говорили, мол**, когда радуешься и когда печалишься, то они, мол, одинаковы [по силе воздействия]'; сч.: гл. *тин' ъуччос вил'гурт шуънъ кутскъл'л'ам*, *потому что въл' аз'э пукс'эмън. а удмурт'т'ос въл'гурт шуънъ кд'д'ал'л'ам*, *н'им понъл'л'а-мзъ*. Дон. 'И вот русские Вильгурт **стали, мол**, называть [деревню], потому что на новом месте поселились. А удмурты Вильгурт **стали, мол**, называть, название, **мол, дали** [деревне]'. В отличие от этого, в верхнечепецком и нижнечепецком диалектах отмечается употребление только форм с *-л'л'а-*. Примеры: вч.: кез. *чи-ста абдрал'л'ам та улэммылы со лыктэмйос*. Ал. 'Очень **удивились, мол**, нашей жизни те прибывшие [люди]'; нч.: кос. *пинал'л'осы кёшкэмап'л'ам. мил'эмэсты адзизы но ну тэцицало ук!* Берез. 'Внуки мои **соскучились, оказывается**. Как нас увидели, ну и запрыгали!'. Функционирование в удмуртском языке двух форм перфекта (с формантом *-л'л'а-* и без него) обусловлено историей его образования. Появление перфекта как самостоятельного времени ученые относят к общепермскому периоду [24, с. 202; 23, с. 258]. В пермских языках он оформился на основе *-м*-овых причастных форм, где консонант суффикса *м* восходит к уральскому девербальному именно суффиксу **-т* [13, с. 47; 23, с. 258]. Перфектные формы 2-го и 3-го лица множественного числа типа *вэрал'л'а-м(ды)*, *вэрал'л'а-м(зы)* осложнены суффиксом *-л'л'*, который развился из сочетания *-лй-* суффиксов многократности *-л* и *-й*: *лй > л'л'* [27, с. 389; 18, с. 264].

В диалектах северной языковой зоны в утвердительном аспекте перфектный глагол в 3-м лице единственного числа употребляется без личных формантов: сев. *со вэрам* 'он(а) сказал(а), оказывается'; сев. *со гожйам* 'он(а) написал(а), оказывается'. Подобное явление характерно для бесермянского наречия [12, с. 122], оно зафиксировано также в отдельных переходных срединных говорах [5, с. 296–297] и некоторых южноудмуртских говорах [9, с. 50; 3, с. 186].

3.2.2. В исследуемых диалектах некоторые различия наблюдаются в оформлении 2-го лица единственного числа, также 2-го и 3-го лица множественного числа неочевидного прошедшего времени. В среднечепецком диалекте указанные формы перфекта могут выступать как с личными формантами, так и без них, причем более широкое распространение имеют формы без личных суффиксов. Примеры: сч.: яр. *мынам мужикэ квкл, бырэмын. н'э войнайэ со быриз, а пылас'кыны мыныл'л'ам но – локам*. Ел. 'У меня мужа нет, погиб. Не на войне он погиб, а **пошли** они, **оказывается**, купаться – и утонул'; *бкръс'гэс та д'эрэвн'айэ лыктыл'л'ам удмуртйос*. Коч. 'Позже в эту деревню **прибыли, мол**, удмурты'; сч.: гл. *эийосыз лог лыктыл'л'а-мзы йурттыны*. Пудв. 'Друзья его быстро, **мол, пришли** помочь'. Для нижнечепецкого диалекта во 2-м лице единственного числа характерна вариантность использования личных и безличных форм, а во 2-м и 3-м лице множественного числа – регулярное употребление маркеров лица. Примеры: нч.: сл. *пудо тачак вордыл'л'а-мзы татын калыкйос*. Пес. 'Скотины много, **мол, держали** здесь люди'; нч.: кос. *тон трос гожйам н'и, шуо*. Сиб. 'Ты много уже **записала, мол**, [информации], говорят'. В отличие от этого, в верхнечепецком диалекте подобные формы перфектного глагола функционируют без личных формантов. Примеры: вч.: кез. *эл'эваторэ мынил'л'ам пиналйос, кёжы, с'эмэчки с'отил'л'ам соослы*. Каб. 'К элеватору **пошли, оказывается**, ребята, гороха, семечек **дали, оказывается**, им'; вч.: зур. *оз' но, таз' но вуил'л'ам п о л о мэ*. Тюп. 'Кое-как **добрались, оказывается**, они до Полома'. Следует заметить, что в говорах южной диалектной зоны [9, с. 50; 14, с. 101; 3, с. 186], части срединных говоров и бесермянском наречии [12, с. 122] перфектный глагол в указанных формах, как правило, выступает с личными суффиксами. Коми лингвист Е. А. Цыпанов, оперируя данными диалектов коми и удмуртского языков, высказывает точку зрения, согласно которой личная суффиксация перфектных форм может представлять собой более позднее образование [23, с. 161].

3.2.3. Отрицательные формы перфекта в северных диалектах образуются аналитическим способом, при помощи отрицания *квкл* 'не, нет', которая располагается перед основным глаголом. В единственном числе их формообразование происходит одинаково: сев. *мон өвёл ужас'кэм* 'я не работал, оказывается'; сев. *тон өвёл ужам* 'ты не работал, оказывается'; сев. *со өвёл ужам* 'он не работал, оказывается'. Что касается формы 1-го лица множественного числа, то во всех северных диалектах присутствие личного маркера является обязательным: сев. *ми квкл ужас'кэ-ммы* 'мы не работали, оказывается'; сев. *ми квкл вэрас'кэ-ммы* 'мы не сказали, оказывается'. Некоторые внутрдиалектные различия обнаруживаются в личной суффиксации плюральных форм 2-го и 3-го лица. В верхнечепецких говорах основной глагол в этих формах, как правило, выступает без личного маркера. Примеры: вч.: кез. *ти*

öвöl кылил'л'ам *кос'акэ йыггэтэмэз*. СГыя 'Вы не слышали, оказывается, стука в окно'; вч.: деб. *сос'эдйос заборзэс öвöl тунатил'л'ам, ван' ыжйос мил'ам бакчын*. Так. 'Соседи забор свой не починили, оказывается, все овцы в нашем огороде'. Говорам нижнечепецкого диалекта, как правило, свойственно употребление перфектных форм с личными формантами. Примеры: нч.: сл. *колкозыс'эн соослы корка öвöl с'отыл'л'а-мзы, вот и у н' ийэ кошкыл'л'а-мзы*. Ас. 'В колхозе им квартиру не дали, вот и в Уни они переехали'; нч.: кос. *о л о нлы öвöl вэрал'л'а-мзы кунойос с'арыс'*. Сиб. 'Олёне не сказали, оказывается, о [приезде] гостей'. В отличие от этого, в среднечепецком диалекте отмеченные формы перфекта могут оформляться как личными формантами, так и без них, при этом более регулярный характер, согласно нашим полевым материалам, имеют формы без личного маркера. Примеры: сч.: гл. *то-лбыт интыйама калык кэл'л'ал'л'ам. л'эшак бас'тонйос, одиг нунал но к'вкл корас'кыл'л'ам, чэрсыса улыл'л'ам!* Кур. 'Всю зиму вместо себя [работать] мы людей отправляли. Черт бы их побрал, ни одного дня, оказывается, не работали ('не рубили') они, всё прями!'; сч.: яр. *пинал'л'ос öвöl валал'л'а-мзы кос'акыт'и потыны*. Мос. 'Дети не сообразили, оказывается, через окно вылезти'.

В южноудмуртских говорах, напротив, отрицательные формы перфекта образуются синтетическим способом, т. е. прибавлением к глагольной основе отрицательного суффикса *-мтэ* [11, с. 152]. В бесермянском наречии отмечаются как синтетический, так и аналитический способы образования указанных форм [21, с. 232; 12, с. 123].

3.4. Особенности в образовании видовых форм глагола. В нижнечепецком и среднечепецком диалектах для усиления кратности суффикс многократного вида *-л'л'а-* в речи диалектоносителей старшего поколения может редуцироваться, например: сч. нч. *ужал'л'ал'л'аны* 'работать (неоднократно)'; сч. нч. *пырал'л'ал'л'аны* 'заходить (неоднократно)'. Примеры: сч.: яр. *война вылын чайаын мон ужал'л'ал'л'ай*. Байд. 'Во время войны на лесозаготовке я работала (неоднократно)'; сч.: яр. *с'ако пöртэм приз бас'йал'л'ал'л'ай г э р ы п о т т о нын*. Диз. 'Всякие разные призы получала (неоднократно) я на празднике Первой борозды'; нч.: сл. *куосты ужал'л'ал'л'ас пэпэс'э*. Пес. 'Выделкой кожи занимался (неоднократно) мой дед'. Специфика в употреблении двойного суффикса проявляется в том, что глаголы с формантом *-л'л'ал'л'а-* обозначают действие, совершающееся (совершившееся) неоднократно и непостоянно (с перерывами), а с суффиксом *-л'л'а-* выражают действие, происходящее (происходившее) многократно и постоянно. Таким образом, в указанных диалектах отмечается явление разграничения значений видов глагола за счет употребления одного и того же суффикса: в одном случае с одним *-л'л'а-*, в другом – с двойным *-л'л'а-*. В ареале распространения верхнечепецких говоров редуцированный вариант форманта *-л'л'а-* не встречается, за исключением северо-западного куста кезского говора, граничащего со среднечепецкими говорами. Функционирование двойного суффикса *л'л'а-* имеет место в бесермянском наречии [12, с. 27], что связано, по нашему мнению, с влиянием северноудмуртских диалектов.

3.5. Категория притворной модальности. Данная категория представляет собой одну из специфических характеристик удмуртского глагола. Глаголы притворного действия обозначают притворность, мнимость, фиктивность, видимость, маломерность действия. В северноудмуртском диалектном ареале формообразование указанных глаголов не представляет единства. В среднечепецком и верхнечепецком диалектах притворность действия выражается аналитическим способом и оформляется сочетанием основного глагола в форме утвердительного и отрицательного причастия на *-(э)м, -(э)мтэ* (причастия также могут выступать со словами *улэ, улсы* (отвечают на вопрос «куда?») 'под, низ', *улсын* (отвечает на вопрос «где?») 'под' с изменяемыми вспомогательными глаголами *карыны* 'делать', *карыс'кыны (карис'кыны)* 'делаться, становиться', *аналскыны* 'притворяться, отстраняться'. При словоизменении лично-числовые и временные показатели принимает вспомогательный глагол, а основной глагол не изменяется. Примеры: сч.: яр., *пыд'д'осыным уг лу'ы н'и, но ужам карыс'ко на*. Ел. 'Ноги у меня болят, но пытаюсь еще работать ('делаю вид, что работаю')'; вч.: зур. *сугон дурэ бакчэ потны косис'ко внучкамэ, кылымтэ улэ карис'кэ со*. Ключ. 'За луком в огород прошу сходить внучку, она делает вид, что не слышит'. Идентичным образом притворность действия образуется в бесермянском наречии [12, с. 128] и средневосточных говорах [5, с. 306].

В нижнечепецком диалекте, напротив, значение «фиктивного» или «притворного» действия передается морфологическим способом с помощью суффикса *-(э)мйас'к-*. Примеры: нч.: сл. *самоход курэ тимы. кал' öвön' укс'омы. вот и бöрдэмйас'кэ со, курэ самоход*. Свет. 'Велосипед просит наш внук. Сейчас пока у нас нет денег. Вот он и делает вид, что плачет, просит велосипед'; *огн'ам*

улыс'ко. ныл'л'осы вуыло, йуртэмйас'ко. Ас. 'Одна живу. Дочери мои приезжают, **чуть-чуть помогают**'. Аналогичная синтетическая форма выражения притворности действия является в основном характерной для говоров южной диалектной зоны и части срединных говоров, к примеру нылгинских. Следует отметить, что в отдельных периферийно-южных говорах, наряду с морфологическим способом, встречаются и аналитические формы образования данных глаголов [11, с. 144].

Таковы в целом различительные явления в системе грамматических категорий глагола в диалектах северного наречия удмуртского языка. В глагольной морфологии исследуемых диалектов определяются те же грамматические категории, что и в системе литературного языка, отличия в основном наблюдаются в большей вариантности формообразования. Специфические черты морфологического характера отмечаются в оформлении отдельных грамматических форм (в частности, отрицательных форм повелительного наклонения, форм настоящего времени, инфинитива), что обусловлено действующими в северных диалектах фонетическими законами. Определенные внутридиалектные различия выявляются в структуре и словоизменении некоторых глагольных категорий (например, варьирующиеся по северным диалектным микросистемам парадигмы спряжения условного и желательного наклонений, неочевидного прошедшего времени, формообразование и словоизменение глаголов притворного действия и др.). Проведенный анализ показал, что из обследованных трех северных диалектов в системе глагола больше специфических черт обнаруживает нижнечепецкий диалект, что в определенной степени обусловлено историей его формирования. Вариантность глагольных форм в удмуртском диалектном пространстве свидетельствует об инновационных процессах в их становлении и развитии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) удмуртские диалекты и говоры: бал. – бalezинский говор среднечепецкого диалекта; вч. – верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; гл. – глазовский говор среднечепецкого диалекта; деб. – дебесский говор верхнечепецкого диалекта; зур. – зуриинский говор верхнечепецкого диалекта; кез. – кезский говор верхнечепецкого диалекта; кос. – косинский говор нижнечепецкого диалекта; нч. – нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; сев. – северное наречие удмуртского языка; сл. – слободской говор нижнечепецкого диалекта; сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; юк. – юкаменский говор среднечепецкого диалекта; яр. – ярский говор среднечепецкого диалекта;

б) населенные пункты по севернудмуртским диалектам:

верхнечепецкий диалект

Удмуртская Республика: Ал. – д. Александрово, Кезский р-н; Ар. – д. Ариково, Дебесский р-н; ЗМед. – д. Заречная Медля, Дебесский р-н; Каб. – д. Кабалуд, Кезский р-н; Кабач. – д. Кабачигурт, Игринский р-н; Ключ. – д. Ключи, Игринский р-н; Котег. – д. Котегурт, Дебесский р-н; Лоз. – д. Лозолок, Игринский р-н; ОИр. – д. Оник-Ирым, Игринский р-н; НУн. – д. Новый Унте, Кезский р-н; СГыя – д. Старая Гыя, Кезский р-н; Сыга – д. Сыга, Кезский р-н; Так. – д. Такагурт, Дебесский р-н; Тур. – д. Турел, Игринский р-н; Тыл. – с. Тыловой, Дебесский р-н; Тюп. – д. Тюптиево, Игринский р-н; Фок. – д. Фокай, Кезский р-н;

среднечепецкий диалект

Удмуртская Республика: Аз. – д. Азамай, Глазовский р-н; Байд. – д. Байдалино, Ярский р-н; Бач. – д. Бачумово, Ярский р-н; ВСл. – д. Верхняя Слудка, Глазовский р-н; Диз. – д. Дизьмино, Ярский р-н; Дон. – д. Дондыкар, Глазовский р-н; Ел. – с. Елово, Ярский р-н; Ер. – д. Ертем, Юкаменский р-н; Кач. – д. Качкашур, Глазовский р-н; Коч. – д. Кочишево, Глазовский р-н; Кур. – д. Курегово, Глазовский р-н; Люк – д. Люк, Бalezинский р-н; Мос. – д. Мосеево, Ярский р-н; Пас. – д. Паслоково, Глазовский р-н; Пудв. – д. Пудвай Глазовский р-н; Пус. – д. Пусошур, Глазовский р-н; Пышк. – д. Пышкец, Глазовский р-н; Штан. – д. Штанигурт, Глазовский р-н; Юр – п. Юр, Ярский р-н;

нижнечепецкий диалект

Кировская область: Ас. – д. Астрахань, Унинский р-н; Берез. – д. Березник, Зуевский р-н; Бур. – д. Бурино, Слободской р-н; Кар. – с. Карино, Слободской р-н; Ок. – пос. Октябрьский, Зуевский р-н; Ом. – д. Омсино, Слободской р-н; Пас. – д. Паслоково, Слободской р-н; Пес. – д. Пески, Слободской р-н; Свет. – д. Светозарево, Слободской р-н; Сиб. – д. Сибирь, Унинский р-н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Атаманов М. Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45–96.

2. *Атаманов М. Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.
3. *Атаманов М. Г.* Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырза, Эгра вера. Ижевск: Удмуртия, 2005. 248 с.
4. *Атаманов-Эграпи М. Г.* Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.
5. *Бушмакин С. К.* Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971. 397 + 350 с.
6. *Воронцов П. И.* Явления выпадения фонемы *ы* в удмуртских диалектах // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии. Ижевск, 1997. С. 7–22.
7. *Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
8. *Кельмаков В. К.* Кукморский диалект удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. XXX + 475 + [Приложение] 175 с.
9. *Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырымасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26–61.
10. *Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырымасских говоров южноудмуртского наречия. II // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 65–85.
11. *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
12. *Люкина Н. М.* Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.
13. *Майтинская К. Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
14. *Насибуллин Р. Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 86–151.
15. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Изд-во «Наука», 1974. 484 с.
16. *Серебренников Б. А.* О действительном количестве глагольных времен в удмуртском языке // Записки. Ижевск, 1959. Вып. 19. С. 93–102.
17. *Серебренников Б. А.* Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960. 300 с.
18. *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.
19. Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1975. 16 с. + 113 с. + 17 с.]
20. *Тепляшина Т. И.* Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156–196.
21. *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.
22. *Тепляшина Т. И.* Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск, 1973. Вып. 2. С. 196–223.
23. *Цыпанов Е. А.* Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005. 284 с.
24. *Bartens R.* Permilaisten kielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki, 2000. 376 s. (= MSFOu 238).
25. *Csúcs S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 S.
26. *Суранов Же.* Analyyttisten aikamuotojen systeemi komin kielessä // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, Tartu, 7–13.8. 2000. Tartu, 2001. P. VI. Dissertationes sectionum: Linguistica III. S. 321–324.
27. *Uotila T. E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1933. 446 S. (= MSFOu 65).
28. *Wiedemann F. J.* Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 S.

Поступила в редакцию 27.04.2022

Карпова Людмила Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук»
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Барамзиной, 34
E-mail: karpovalud@rambler.ru

L.L. Karpova

SPECIFIC TRAITS OF VERB MORPHOLOGY IN THE NORTHERN DIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-716-726

The article detects and defines the specific traits of verb grammar system in the Northern dialects of the Udmurt language, which have insufficient coverage in scientific literature. The paper highlights distinctive features of the Northern Udmurt dialects on the one hand and features with limited diffusion in certain microsystems of studied dialects on the other. Language data are analyzed and interpreted in the context of the Udmurt dialect landscape. The study demonstrates that in the dialects under consideration the morphological system of the verb in its substantial and structural characteristics largely coincides with the system of the Udmurt literary language. Dialectal peculiarities in derivation, paradigms of conjugation, distribution and use of separate verb forms are revealed. Distinctive features of the morphological character are observed in terms of the expression of the infinitive, of individual forms of the present tense, which is due to the phonetic laws existing in the Northern dialects. Certain intradialect differences are revealed in the forms of inflection of some verb categories (in particular, paradigms of conjugation of conditional and desired moods, perfect, varying in the Northern dialects).

Keywords: Udmurt language, Northern dialects, morphology, verb categories, formation, inflection, dialectal variation.

REFERENCES

1. *Atamanov M. G.* Grakhovskiyе govory yuzhnoudmurtского narechiya [Grakhov Dialects of the South Udmurt Dialect] // Materialy po udmurtskoy dialektologii: obraztsy rechi [Materials on Udmurt Dialectology: Speech Samples]. Izhevsk, 1981, pp. 45–96. (In Russian).
2. *Atamanov M. G.* Ot Dondykara do Ursyurta. Iz istorii udmurtskikh regionov [From Dondykar to Ursyurt. From the history of Udmurt regions]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005, 216 p. (In Russian).
3. *Atamanov M. G.* *Pesni i skazy ushedshikh epokh* [Songs and tales of past ages]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005, 248 p. (In Russian).
4. *Atamanov-Ehgrapi M. G.* Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda [The origin of the Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2010, 576 p. (In Russian).
5. *Bushmakina S. K.* Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka [Phonetic and morphological characteristics of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language]: dis. ... kand. filol. nauk [Cand. philol. sci. diss.]. Izhevsk; Moscow, 1971, 397 + 350 p. (In Russian).
6. *Vorontsov P. I.* Yavleniya vypadeniya fonemy *ы* v udmurtskikh dialektakh [Phenomena of *ы* Phoneme Loss in Udmurt Dialects] // Permistika 4: Permskie yazyki i ikh dialekty v sinkhronii i diakhronii [Permistika 4: Perm Languages and their Dialects in Synchrony and Diachrony]. Izhevsk, 1997, pp. 7–22. (In Russian).
7. *Karpova L. L.* Srednechepetskiy dialekt udmurtskogo yazyka. Obraztsy rechi [The Middle Chepts dialect of the Udmurt language. Speech samples]. Izhevsk, 2005, 581 p. (In Russian).
8. *Kel'makov V. K.* Kukmorskii dialekt udmurtskogo yazyka [Kukmor dialect of the Udmurt language]: dis. ... kand. filol. nauk [Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1970, XXX + 475 + 175 p. (In Russian).
9. *Kel'makov V. K.* Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurtского narechiya. I [Brief description of Kyrykmas subdialects of the Southern Udmurt dialect. I] // Voprosy udmurtskoj dialektologii [Issues of Udmurt dialectology]. Izhevsk, 1977, pp. 26–61. (In Russian).
10. *Kel'makov V. K.* Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurtского narechiya. II [Brief description of Kyrykmas subdialects of the Southern Udmurt dialect. II] // O dialektakh i govorakh yuzhno-udmurtского narechiya [On the Dialects and Subdialects of the South Udmurt Dialect]. Izhevsk, 1978, pp. 65–85. (In Russian).
11. *Kel'makov V. K.* Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya [A short course on Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. References]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 1998, 386 p. (In Russian).
12. *Lyukina N. M.* Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan [Phonetic and morphological features in the language of the Lekma and Yunda Besermians]. Izhevsk, 2016, 200 p. (In Russian).
13. *Maitinskaya K. E.* *Istoriko-sopostavitel'naya morfologiya finno-ugorskikh yazykov* [Historical and Comparative Morphology of the Finno-Ugric Languages]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 263 p. (In Russian).
14. *Nasibullin P. Sh.* Nablyudeniya nad yazykom krasnoufimskikh udmurtov [Observations on the language of the Krasnoufimsk Udmurts] // O dialektakh i govorakh yuzhnoudmurtского narechiya [On dialects and subdialects of the Southern Udmurt dialect]. Izhevsk, 1978, pp. 86–151. (In Russian).
15. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov* [Basics of Finno-Ugric Linguistics. Questions of the origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974, 484 p. (In Russian).

16. *Serebrennikov B. A.* O deistvitel'nom kolichestve glagol'nykh vremen v udmurtskom yazyke [On the actual number of verb tenses in the Udmurt language] // *Zapiski* [Proceedings]. Izhevsk, 1959. Issue 19, pp. 93–102. (In Russian).
17. *Serebrennikov B. A.* Kategoriya vremeni i vida v finno-ugorskikh yazykakh permskoi i volzhskoi grupp [The category of Tense and Aspect in the Finno-Ugric languages of the Permian and Volga groups]. Moscow, 1960, 300 p. (In Russian).
18. *Serebrennikov B. A.* Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov [Historical morphology of the Permian languages]. Moscow: Academy of Sciences of USSR Publ., 1963, 392 p. (In Russian).
19. Sochineniya prinadlezhashchiya k grammatikm votskago yazyka [Writings belonging to the grammar of the Votyak language]. V Sanktpeterburgĕ pri Imperatorskoj Akademii nauk 1775 goda [In St. Petersburg at the Imperial Academy of Sciences in 1775]. 113 p. [V kn. Pervaya nauchnaya grammatika udmurtskogo yazyka. Izhevsk, 1975, pp. 16 + 113 + 17]. (In Russian).
20. *Teplyashina T. I.* Nizhnechepetskie govory severnoudmurtskogo narechiya [The Lower Cheptsá subdialects of the Northern Udmurt dialect] // *Zapiski* [Proceedings]. Izhevsk, 1970. Issue 21. Philology, pp. 156–196. (In Russian).
21. *Teplyashina T. I.* Yazyk besermyan [The Besermyan language]. Moscow: Nauka Publ., 1970, 288 p. (In Russian).
22. *Teplyashina T. I.* Zametki po verkhneizhskim udmurtskim govoram [Notes on the Upper-Izh Udmurt Dialects] // *Voprosy udmurtskogo yazykoznanija* [Questions of Udmurt Linguistics]. Izhevsk, 1973. Issue 2, pp. 196–223.
23. *Tsypanov E. A.* Grammaticheskie kategorii glagola v komi yazyke [Grammatical categories of verb in the Komi language]. Syktyvkar, 2005, 284 s. (In Russian).
24. *Bartens R.* Permilaisten kielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki, 2000. 376 s. (= MSFOu 238). (in Finnish).
25. *Csúcs S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005, 410 S. (In German).
26. *Cypanov Je.* Analyyttisten aikamuotojen systeemi komin kielessä // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum*, Tartu, 7–13.8. 2000. Tartu, 2001. P. VI. Dissertationes sectionum: Linguistica III, s. 321–324. (In Finnish).
27. *Uotila T. E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1933, 446 S. (= MSFOu 65). (In German).
28. *Wiedemann F. J.* Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 S. (In German).

Received 27.04.2022

Karpova L.L., Doctor of Philology, Leading Research Associate
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
T. Baramzinoy st., 34, Izhevsk, Russia, 426067
E-mail: karpovalud@rambler.ru